

Чарина Ольга Иосифовна

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН, БЫТОВАВШИХ НА КОЛЫМЕ (НА ПРИМЕРЕ ПЕСНИ О СКОПИНЕ)

Статья раскрывает особенности бытования исторических песен, записанных в конце XIX в. на северо-востоке Якутии на примере исторической песни "Скопину-то родна матушка говаривала". Русский фольклор на Колыме имеет свои особенности, которые показывают не только связь эпического фольклора в Якутии и на Русском Севере, но и отличие колымских вариантов от русскоустьинских, а также - постепенную утрату образов и мотивов песни. Русский фольклор в отрыве от материнского фольклора развивался не без влияния якутского языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-4/57.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. IV. С. 202-205. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Бармина Е. Г. Прагматическая характеристика речевых эпизодов в древнеанглийской эпической поэме «Беовульф»: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2004. 18 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
3. Беовульф / пер. В. Тихомирова // Серия «Библиотека всемирной литературы»: в 200-х томах. М.: Художественная литература, 1975. Т. 9. 786 с.
4. Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы. М. – Л.: Наука, 1971. 140 с.
5. Третьякова Т. П., Цвинариа М. Е. Контекстная прагматика как метод поиска переводоведческих решений // X Международная конференция по переводу «Федоровские чтения». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. Вып. 10. С. 554-559.
6. Феокистова Н. В. К методике определения значения древнего слова // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. Вып. 4: Взаимодействие языковых структур в системе. С. 26-33.
7. Цвинариа М. Е. Динамика семантических и прагматических аспектов значений глаголов «magan», «motan» и «cunpan» в древнеанглийском эпосе «Беовульф»: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2003. 22 с.
8. Beowulf / edited with textual foot-notes, index of proper names and alphabetical glossary by A. J. Wyatt. Cambridge: The University Press, 1894. 242 p.
9. Goossens L. On the Development of the Modals and of the Epistemic function in English // Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science, IV. Current Issues in Linguistic Theory / ed. by A. Ahlquist et al. Amsterdam – Philadelphia, 1990. Vol. 21. P. 75-84.
10. Jacobs A., Jucker A. H. The Historical Perspective in Pragmatics // Historical Pragmatics: Pragmatic Developments in the History of English / ed. by A. H. Jucker. Amsterdam – Philadelphia: Benjamins, 1995. P. 3-37.
11. Traugott E. C. From Less to More Situated in Language: The Unidirectionality of the Semantic Change // Papers of the 5-th International Conference on Historical Linguistics / ed. by S. Adamson et al. Amsterdam – Philadelphia, 1990. P. 497-515.
12. Warner A. R. English Auxiliaries: Structure and History // Cambridge Studies in Linguistics: 66. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Ch. 7: The Developing Modal Semantics of Early English 'Modals'. P. 156-182.

**CONTEXTUAL-PRAGMATIC CHARACTERISTIC OF THE WAYS
OF TRANSFER OF THE VERB 'MAGAN' INTO THE RUSSIAN LANGUAGE
IN V. TIKHOMIROV'S TRANSLATION OF THE EPIC POEM "BEOWULF"**

Tsvinaria Marina Evgen'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Saint Petersburg State University
marina.tsvinaria@yandex.ru

This article deals with the ways of the transfer into the Russian language of the Old English verb 'magan' in V. Tikhomirov's translation of the epic poem "Beowulf". The analysis of the translation solutions is carried out on the basis of the method of contextual pragmatics and concerns the cases of the interpretation of the functional meaning of 'magan' when it expresses the nuances of deontic and epistemic modalities. The purpose of the research is contextual-pragmatic justification of the choice of translation means and the identification of the degree of their correspondence with the conveyed meanings.

Key words and phrases: epic poem "Beowulf"; ways of transfer of Old English verb 'magan'; contextual pragmatics; deontic modality; epistemic modality.

УДК 398.8

Филологические науки

Статья раскрывает особенности бытования исторических песен, записанных в конце XIX в. на северо-востоке Якутии на примере исторической песни «Скопину-то родна матушка говаривала». Русский фольклор на Колыме имеет свои особенности, которые показывают не только связь эпического фольклора в Якутии и на Русском Севере, но и отличие колымских вариантов от русскоустыинских, а также – постепенную утрату образов и мотивов песни. Русский фольклор в отрыве от материнского фольклора развивался не без влияния якутского языка.

Ключевые слова и фразы: русский фольклор; якутский язык; исторические песни; «виноградье»; взаимодействие.

Чарина Ольга Иосифовна, к. филол. н., доцент

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
ochar@list.ru*

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН,
БЫТОВАВШИХ НА КОЛЫМЕ (НА ПРИМЕРЕ ПЕСНИ О СКОПИНЕ)®**

Предметом исследования являются произведения, собранные в конце XIX в. Дмитрием Ивановичем Меликовым в рамках сибиряковской историко-этнографической экспедиции 1894-1986 гг. [4, ед. хр. 2], также мы опираемся на произведения, опубликованные в сборниках «Фольклор Русского Устья» [8] и «Русская

эпическая поэзия» [6]. Д. И. Меликов записал следующие произведения фольклора: былины «Тит Харафонтьевич», про Добрыню Никитича, исторические песни: про Скопина, про сына Стеньки Разина, про графа Чернышева; лирические песни, три андальщины. Эти песни были опубликованы в сборнике «Из истории русской фольклористики» [9, с. 419-437].

В сборнике текстов «Фольклор Русского Устья» приведены тексты былин и исторических песен, которые записывали уже И. А. Худяков – «Царь Елизар» [8, с. 238-239] в XIX в.; В. М. Зензинов – «О Тите» [Там же, с. 229-231], Д. Д. Травин – «Про Тита» [Там же, с. 231-233] в начале XX в.

Н. А. Габьшев в 1946 г. записал историческую песню «Скакал тут Скопин с горы на гору» [Там же, с. 247]. Здесь сюжет развивает только тему встречи со шведским королем. Также он зафиксировал песню «Появился здесь да детинушка, незнамой человек» [Там же, с. 248-249]. Это песня о сынке Стеньки Разина, но сюжет практически не развит, всего 27 стихов.

Тот вариант, который приводится в записях Меликова начитается с фразы «Заявился в камен город детинушка», длиной в 32 стиха [9, с. 431-432].

Песня о графе Чернышеве записывалась на Колыме и Индигирке [6, с. 354-356; 8, с. 249].

Из них наиболее известна историческая песня об отравлении Скопина-Шуйского. Достаточное количество вариантов песен о Скопине-Шуйском позволяет проводить исторические изыскания, выявлять наиболее древние варианты, искать параллели с другими жанрами.

Вариант песни «Скопину-то родна матушка говаривала», записанный на Колыме, произведение небольшое по объему, всего 26 стихов, также имеет повтор припева «Виноградье краснозеленое» после каждой строки [4, ед. хр. 2, л. 204-205]. Меликов, к сожалению, не указывает, от кого записана песня.

Мы также имеем записи этой песни на Колыме, представленные в сборнике «Русская эпическая поэзия Сибири Дальнего Востока» – № 193-196. Текст № 193 записан Е. П. Поповым в 1905 г. Характеризуя данную запись, Ю. И. Смирнов отмечает двойственный характер песни: историческая и величальная. Он пишет: «Во всех случаях, когда там записывали песню с голоса, оказывалось, что она поется как особая величальная песня, которую в народе по припеву называют виноградьем. Если на Русском Севере виноградья имели разное приурочение, то на Колыме их пели только под Рождество» [6, с. 434].

Текст № 194 записан Т. С. Шенталинской в п. Черском Нижнеколымского уезда в 1982 г. Как отмечает Ю. И. Смирнов, песня «пелась как “домашнее” виноградье (как тут называют в отличие от “надворного”, которое пелось на улице возле дома)». Далее он пишет, что сам текст «демонстрирует устойчивую сохранность» [Там же]. Сама Т. С. Шенталинская, рассматривая эпические произведения Нижней Колымы и Индигирки, ссылается на традиционный характер музыкального исполнения данных произведений, классифицирует «факт поглощения эпической песни сферой ритуального акта» [Там же, с. 53]. Конечно же, важен тот факт, что песня историческая и одновременно величальная. На европейской территории России – «факт локально специфический, зафиксированный только в бывшем Великоустюжском уезде (ныне Вологодская обл.; песня о Скопине, “Сокол-корабль”) и на Вятке (“Сокол-корабль”)» [Там же].

Вариант песни, записанный Л. П. Кузьминой и З. А. Мироновой в 1978 г. составляет 54 стиха, причем здесь не учтен повтор «Виноградье, красно-зеленое», кроме того Л. П. Кузьмина и З. А. Миронова строки дробят, например:

Скопине-че родна матушка
Наказывала,
Виноградье, красно-зеленое,
Ой, наказывала,
Наговаривала,
Виноградье, красно-зеленое [3, с. 183].

В этом варианте Скопин «подружился с купцами сопоротскими (сапоронскими)», «покумился с дочерью Скурлатовой», после чего был отравлен этой кумой, и погиб, а мать скорбит по нему. З. А. Миронова и Л. П. Кузьмина отмечают, что это «несомненно, сокращенный вариант исторической песни, рассказывающий об отравлении племянника царя Шуйского воеводы Михаила, который прославился удачными действиями против войска Лжедмитрия II» [Там же, с. 184].

Вариант песни, который составляет 195 строк [5, с. 259-265], замечателен последовательным развитием сюжета. Здесь сосуществуют обе части песни, где в первой Скопин просит помощи у шведского короля, а во второй – речь идет собственно об отравлении Скопина. Подробно рассказывается о сборах Скопина, отговорах его матери, описании пира, похвалой Скопина, подготовкой отравы для него кумой, гибелью Скопина и плачем его матери, похоронами Скопина. В этом варианте подкупает точное воспроизведение имен действующих лиц: Скопин Михаил Васильевич, кума Малютина дочь Скурлатова, князь Воротынсков.

С. Н. Азбелев, исходя из места зарождения текста, его исполнения, видит «следующие разновидности исторической песни о Скопине: 1) основная версия, восходящая к недошедшей первоначальной редакции песни; в составе этой версии три редакции: беломорская, колымская; предбылинная; 2) поволжская версия; 3) казачья версия» [1, с. 50]. С. Н. Азбелев пишет о колымской редакции: «Здесь полностью утрачен важный мотив 1, враги героя принадлежат иногородней купеческой среде, причины преступления непонятны, основная идея сведена к тому, что герой гибнет вследствие нарушения наказа матери не водиться с дурными людьми» [Там же, с. 55]. Первый мотив по С. Н. Азбелеву, тот, где «герой является победителем, чьи военные успехи послужили причиной его отравления» [Там же, с. 54]. Затем он отмечает важную особенность этой редакции, которая заключается «не в содержании ее, а в бытовом применении и жанровой трансформации: все варианты записаны

в функции обходной песни, причем три последних уже и по форме должны быть отнесены к песням обрядовым: после каждого их стиха исполнялся припев “да виноградье красно-зеленое да” (хотя везде сохранены имена Скопина и дочери Малюты Скуратова) [Там же, с. 55]. «Для утилизации в качестве “виноградья”» такого рода песня подходила в случаях, когда «главное ее содержание не припоминалось с достаточной полнотой, тем более что для обрядового исполнения ее необходимо приходилось сократить» [Там же].

Песни только как исторические, это например текст, приведенный в сборнике «Русская историческая песня» составляет 194 стиха. В этом варианте очень подробно рассматривается вся картина борьбы с иноземными захватчиками: «чудь белоглазая», «сорочина долгополая», «черкасы пятигорские», «калмыки с башкирами», «чукши с олюторами» [7, с. 132]. В этой версии «на пиру “тут боярам за беду стало” слышать похвальбу Скопина, они и отравили его “поддернули зелья лютого, подсыпали в стакан, в меды сладкия”, “подавали куме Малютинной дочи Скурлатовой”» [Там же, с. 134].

Вот текст, записанный Д. И. Меликовым:

Скопину-то родна матушка говаривала:

Виноградье краснозеленое! *(этот припев повторяется после каждой строчки – прим. автора – О. Ч.)*

«Ты не иди-ко, Скопинушка во матушку Москву,

Не крести ты сына Скуратова,

Не кумись ты со дочерью Малютовой».

Не послушался Скопинушка родну матушку,

Вот поехал-то Скопинушка во матушку-Москву.

Сокрестил он сына Скуратова,

Покушал со дочерью Малютовой.

«Я чего, Скопин, сижу, к кумы ей гости нейду?»

Надевал он на ноженьки зелен кафтан,

Выходил он на крылечушко дубовое,

Сам садился на добра коня.

«Я чего, кума, сижу кума не подчиваю?»

Подходила она к шкапу дубовому,

Вынимала она чару глубокую,

Мерой чара была ей полтора ведра,

Наливала чару зелена вина.

По краям чары ключи кипят,

Посеред чары змеи шипят

Принимал он Скопинушка единой рукой,

Выпивал он Скопинушка единым духом.

Его резвые ноженьки подкосилися,

Его буйная головка закатилась.

Принимала его матушка родимые руки:

«Я чего тебе, Скопинушка, говаривала,

Не послушался Скопинушка родну матушку».

Виноградье краснозеленое [4, ед. хр. 2, л. 204-205].

Как видим, это историческая песня и одновременно – виноградье обрядового цикла. Этот вариант отличается в целом четкой композицией, наличием мотивов, развивающих сюжет. Однако нет мотива похвальбы Скопина. Вместе с тем, уже есть признаки утраты мотивов, образов, наличествует фактическая ошибка. Так, конечно же, обращает на себя внимание поведение Скопина с его надеванием «на ноженьки зеленого кафтана». Вместе с тем, в былине о Тите Харифонтьевиче, записанной в этот же период, звучат стихи «надевал он сапожки зелен сафьян» [9, с. 429]. В июне 2009 г. Ю. И. Смирнов говорит о замене «сафьяна» на «кафтан» по незнанию певцом этого слова – «сафьян». «Зелен сафьян» выделявали в Казани, чего не знали в Походске. И такие потери смысла не удивительны в Колымском крае, находящемся далеко от центральной России.

Мотив приготовления и подачи отравы расписан подробно:

Подходила она к шкапу дубовому <...>,

Посеред чары змеи шипят. <...> [4, ед. хр. 2, л. 205].

А. Г. Игумнов, исходя из побуждения разобраться в терминологии фольклорных категорий, рассматривает историческую песню об отравлении Скопина-Шуйского. Он не согласен с С. Н. Азбелевым в том, что именно такая трактовка выражает подлинную историческую действительность. А. Г. Игумнов считает, что мотив отравления есть «устойчивый фабульный стереотип» [2, с. 139], который встречается не только в подобных песнях, известен он и в балладах, и в лирических песнях. У А. Г. Игумнова вызывает протест сам мотив предостережения Скопина от поездки в Москву, где его ждет гибель. Он считает, что в данном случае (в беломорской редакции) произошел факт «удачного совпадения исторического факта со стереотипом, благодаря чему и оказалось возможной песенная фиксация этого факта» [Там же, с. 140].

Таким образом, найденный в архиве СО РАН текст, записанный Д. И. Меликовым, уже в то время – в 1893 г., отражает двойную жанровую принадлежность песни и к историческим песням, и к обрядовым величальным. Вместе с тем, что уже отмечал Д. И. Меликов, песня уже тогда утрачивалась. О чем свидетельствует краткость пересказа обряда крещения, затем потеря смысла в мотиве надевания «на ноженьки зелена кафтана».

Также следует отметить, что в русскоустыинском варианте исторической песни «Скопин просит помощи у шведского короля», записанном Ю. И. Смирновым, уже встречается якутизм:

Приезжает Скопин во посольской дом,
В юрту съезжую.
Садился Скопин на ремонтчат стул,
На ремонтчат стул за дубовый стол по конец стола [6, с. 192].

Как показывают примеры использования двуязычия в исторических песнях, в данном случае оно выполняет роль приема, который направлен на то, чтобы вовлечь в процесс сказывания собеседника, а также лексика на другом языке звучит в тех случаях, когда невозможно не произносить такие слова. Второй факт зачастую связан не только с первоначальным значением слова, но и с тем, что в якутском языке эти слова являются условными знаками, связанными с мировоззрением, которое также усваивается пришельцами. Русский эпический фольклор в целом сохранял свою целостность, но вместе с тем утрачивал некоторые образы и темы уже в конце XIX в.

Список литературы

1. Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. 327 с.
2. Игумнов А. Г. Поэтика русской исторической песни. Новосибирск, 2007. 252 с.
3. Кузьмина Л. П., Миронова З. А. Современный русский фольклор на Крайнем Севере // Современный русский фольклор Сибири: сборник статей. Новосибирск, 1979. С. 177-204.
4. Меликов Д. И. Путевые записки «В Гижигу через Кольмск». 1893. Кн. I. 140 л. // Архив Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Ф. 4. Оп. 18.
5. Песни и былины Кириши Данилова: изборник / вступ. ст., подг. текста и словарь А. А. Горелова. СПб., 2007. 384 с.
6. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / сост. Ю. И. Смирнов. Новосибирск, 1991. 524 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
7. Русские исторические песни: хрестоматия / сост. В. И. Игнатов. М., 1985. 223 с.
8. Фольклор Русского Устья / сост. С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев и др. Л., 1986. 384 с.
9. Чарина О. И. Записи фольклора, произведенные Д. И. Меликовым в Нижнеколымском крае в 1893 г. // Из истории русской фольклористики. СПб., 2013. Вып. 8. С. 419-437.

REGIONAL SPECIFICS OF THE HISTORICAL SONGS EXISTED ON KOLYMA (BY THE EXAMPLE OF THE SONG ON SKOPIN)

Charina Ol'ga Iosifovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
ochar@list.ru

The article discovers the specifics of functioning of the historical songs recorded at the end of the XIX century at the north-east of Yakutia by the example of the historical song "The mother used to say to Skopin". Russian folklore on Kolyma has its own peculiarities which indicate not only the interrelation of epic folklore in Yakutia and in the Russian North but also the difference of Kolyma variants from the Russkoye Ustye and the gradual loss of the song's images and motives. Russian folklore in isolation from the maternal folklore developed under the influence of the Yakut language.

Key words and phrases: Russian folklore; Yakut language; historical songs; "Vinogradye"; interaction.

УДК 37

Педагогические науки

В статье поднимается вопрос использования отражённых в языке культурных различий между русским и китайским народами как основы обучения русскому языку как иностранному китайских студентов. Лингвокультурные различия не только не препятствуют обучению китайцев русскому языку, но дают педагогу возможность вовлечь студентов в постижение исторических и культурных особенностей двух народов. Активные методы обучения позволят сделать данную работу более эффективной.

Ключевые слова и фразы: русский язык как иностранный; китайский язык; лингвокультурные отличия; обучение; лексика; заимствованные слова.

Чжэн Гуанцзе, к. филол. н.

Цзянсуский педагогический университет, КНР
ouliya0920@hotmail.com

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОТЛИЧИЯ КАК ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ[©]

Вопросы преподавания русского языка иностранным студентам становятся всё более актуальными в последние десятилетия, когда, в связи с усилением интеграционных процессов, всё большее число иностранцев